

УДК 101.808 (0758)

Н.В. Попова, Я.И. Артеменко

РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГЕМЫ И КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Рассматривается философское осмысление современной риторики, которая воздействует на человека, становясь способом формирования и существования реальности как комплекса представлений, посредством которых субъект удостоверяет действительность себя и мира. Отсутствие в отечественных исследованиях по философии и риторике адекватного понятийного аппарата потребовало разработки и осмысления новых терминов: риторическая стратегема, риторическая диверсия, риторический гамбит. Введение этих понятий в научный оборот – это попытка посредством риторики прояснить механизмы конструирования и трансформации реальности. Намечаются контуры проблемы перехода от риторического воздействия к манипулированию.

Ключевые слова: *риторические стратегемы, риторические диверсии, конструирование реальности.*

Характерной чертой актуальных гуманитарных исследований начала XXI века является возрастание интереса к проблемам риторики. Однако риторика сегодня перестает быть искусством красноречия или наукой об ораторском искусстве. Она превращается в способ существования идентичности, которая проясняет *себя-для-Другого*. Для того чтобы объяснить или понять объяснение, мы должны создать для каждого нового значащего элемента соответствие среди объектов внутреннего представления. Риторический нарратив как раз и ставит своей задачей создание легитимирующих конструктов, т.е. вербальных моделей, посредством которых всякая новая реальность переводится в ранг «нормальной», «своей». А так как социальная реальность как реальность дискурса является примером аутопоэтической, т.е. самовоспроизводящейся и ретранслирующей посредством языковых форм системы, то в этом контексте мы хотим обратиться к *риторике* как к средству конструирования реальности.

Слово «риторика» производно от древнегреческого *ῥητορ* – сказанный, усвоенный, позволенный, обоснованный неписаным законом. Риторика как филологическая дисциплина каталогизирует приемы. Риторика как дисциплина философская ставит вопросы о понимании и объяснении, о свободе и ответственности. В широком смысле под риторикой можно понимать такую речевую практику, которая, будучи ориентированной на репрезентацию идей или убеждений ее участников, следует главному «неписаному закону» аутопоэтической реальности – является историей. То есть, по мнению Й. Брокмейера и Р. Харре, у нее есть «действующие лица и сюжет, который эволюционирует во времени», она ограничена «уровнем мастерства каждого индивида и смесью его ... социально-коммуникативных способностей с лингвистическим мастерством», рассказывается с определенных позиций, ««слушается» в локальных моральных контекстах, в которых права и обязанности

лиц как рассказчиков влияют на определение места ... авторского голоса» [1. С. 30]. В широком смысле понятие риторики близко понятию *нарратива* – повествования как «психологической, лингвистической, культурологической и философской основы наших попыток прийти к соглашению с природой и условиями существования» [1. С. 30].

Узким значением слова «риторика» можно считать искусство или технику (в смысле Аристотелевого *τέχνη*) произнесения речей с целью убеждения аудитории. Так люди усваивают язык и в дальнейшем прибегают к спасительному покрову легитимированного традицией культурного сценария. Но посредством языка также конструируются, апробируются и осваиваются разнообразные модели реальности. Таким образом, можно сказать, что облик реальности зависит от характера выражающего ее дискурса, который можно схематически изобразить так: у слушателя есть вопрос (потребность оратора высказаться может быть искусно представлена аудитории как ее собственная потребность в вопрошании), а говорящий особым образом его проясняет, делая ответ «предельно понятным». Тем самым говорящий снимает со слушателя бремя колебаний и неопределенности. Снимает особым образом, так как риторика учит подбирать подходящие коды: одни слова вооружают, другие – делают людей беззащитными. За избавление от сомнений и перенос инстанции ответственности на иного слушатель платит тем, что *принимает* предлагаемую картину мира. В этом и заключается эффективность риторической работы, поскольку, если репрезентация заведомо риторична, то в условиях конкретного межличностного взаимодействия риторика выступает как инструментарий, оформляющий понимание слушателя в соответствии с определенным культурным образцом. В связи с этим важной исследовательской *задачей* является не только разграничение онтологического и «технического» уровня риторики. Необходимо также, проанализировав приемы последнего, выяснить, возможно ли в рамках риторических практик вести диалог, не прибегая к манипулированию. Риторический нарратив как раз и ставит своей задачей создание легитимирующих конструктов, т.е. вербальных моделей, посредством которых всякая новая реальность переводится в ранг «нормальной», «своей».

Технические способы прояснения/убеждения различны. Это могут быть доводы и аргументы, апеллирующие к здравому рассудку и свободной воле оппонента, а могут быть разнообразные *ухищрения* – приемы, которые классической риторикой могли бы рассматриваться как пограничные, находящиеся между риторическими и манипулятивными практиками.

В русской риторической литературе для обозначения такого рода приемов традиционно используется термин «уловки» [2]. Уловку от довода отличает экспрессивная целевая установка: желает ли оратор одурачить публику и создать такой речевой порядок, в котором «свободен лишь один».

Существует ряд классификаций риторических приемов и техник, берущих свое начало от Аристотеля и схоластических диспутов Средневековья. Классической в русской риторике считается классификация уловок, предложенная С. Поварниным. Исследователь разделил уловки на позволительные и недозволенные, что приводит к парадоксальной ситуации: появляется оксюморон – разрешенный обман.

Однако в других языках, например в украинском, в терминологическом аппарате риторики отсутствует достойный эквивалент термина «уловка», поскольку его перевод как «пастка» (ловушка) искажает смысл термина. Впрочем, и термин «уловка», по нашему мнению, недостаточно отображает суть манипулятивных риторических приемов. Поэтому мы [3] разработали новую классификацию и предложили новое название таких приемов – *«риторические стратегии»*.

Риторические стратегии – это наступательные риторические приемы, ориентированные на достижение риторического консенсуса посредством конструирования приемлемой для всех участников спора реальности. Сталкиваясь с риторической стратегией, мы попадаем в «лабиринт отражений» мысли Другого, следуем за ним, используем его лексику, стилизуем свою речь в соответствии с заданным шаблоном. Функции риторических стратегий – предупреждение самостоятельных шагов оппонента в споре и включение его контраргументов в арсенал отстаиваемой позиции.

Моментами *новизны* в таком подходе к риторическим техникам являются следующие: а) в отличие от понятий «уловка» или «ловушка», термин «стратегия» (букв. с греч. – «веду войско») подчеркивает динамический характер риторической ситуации как нарратива, имеющего развивающийся сюжет, героев, сверхзадачу, особую экспрессивность; б) стратегии понимаются как наступательные и, вместе с тем, адаптивные приемы, поскольку не столько разрушают реальность оппонента, сколько видоизменяют ее благодаря искусной конверсии действующих культурных конструкторов; в) в ситуации риторического взаимодействия более важным является не «улавливание» и «иммобилизация» оппонента, а использование его эвристического потенциала в интересах убеждающего.

Из стратегий особо выделим **диверсию**. Термин **«диверсия»** используется здесь в значении: метод, с помощью которого достигается отклонение от ключевой проблемы спора. Риторические диверсии многообразны. Одна из них – **«гамбит»** (от итал. *«dare il gambetto»* – «сделать подножку») – как в начале шахматной партии, где жертвуют фигуру ради достижения активной позиции. Риторический гамбит можно определить как условное согласие с оппонентом. Этим достигается активная позиция в споре и возможность рекомбинирования понятийного поля оппонента, что в конечном итоге приводит к навязыванию ему нового восприятия реальности.

В древнегреческом языке аналогом русского «уловка» может выступать слово **«лабе»** (λαβη), означающее *слабое место, за которое можно ухватиться во время рукопашного боя, удачная позиция для победы, трудности, искусственно создающиеся для противника* (современному читателю это понятие больше знакомо благодаря производному от него слову «лабиринт»).

Как риторическое средство **«лабе»** предполагает создание искусственного понятийного аппарата для описания реальности. Технологически это выглядит, например, как создание синонимического ряда для тех понятий, которыми оперирует собеседник, что позволяет втянуть оппонента в новое символическое и языковое поле. Такой способ ярко представлен в политической полемике [4]. Противника заманивают в риторические «лабиринты», поме-

щая в незнакомую языковую реальность, где автор стратегемы уже готов выполнить функцию «гида-переводчика».

Таким образом, риторическими технологиями создается образ реальности, в которой явлениям дают ясную и категоричную оценку. Отсюда недалеко до безусловной уверенности убеждающего в своей правоте, чреватой информационным насилием и «промыванием мозгов». Существует особый вид риторической диверсии, где неравноправие оппонентов и асимметрия влияния достигают абсолютной степени. У. Эко, вспоминая басню «Волк и ягненок», назвал подобную практику «риторикой бессовестности» [5], посредством которой манипуляция и вербальное злоупотребление маскируются под конструктивный диалог. Речь идет о преднамеренной агрессии, когда целью взаимодействия является не риторический консенсус, а, например, повышение самооценки одного собеседника за счет унижения другого.

К недопустимым риторическим диверсиям можно также отнести ловушки типа «*несловá*» – необычные звуко- или слово-сочетания (например, «блудный флюид», «межушный ганглий», «хтонично-няшное божество с тентаклями и гипнокинезом»). Такие «*несловá*», изрешетив «психологический фон» оппонента, частично замещают у заинтересовавшегося слушателя нормативные элементы литературного языка, тем самым подменяя психическую реальность (для этого особенно удобны аббревиатуры, неологизмы, иноязычные заимствования, «йязык падонкафф», «кащенизмы» и т.п.). Такие конструкции работают как вирус, т.е. встраиваются в язык и рекомбинируют у оппонента привычную модель понимания, заставляя его сосредоточиться на адаптации новых конструкций к собственному вербальному полю.

Безусловно, осуществить видоизменение реальности на практике не так просто, поскольку реальность – это многоуровневая знаковая система, а значит, и воздействие должно быть нелинейным, многоаспектным. Риторика, избирая способы оформления реальности, старается максимально учитывать разнообразие символических связей, при трансформации которых можно смещать акценты, подменяя одни конструкты другими.

Если «реальность» интерпретировать не онтологически, а прагматически, как то, что принимается за истинное, противоположность вымыслу / *mentir (фр.)*, можно вскрыть деонтический аспект риторического конструирования. Достоверность реальности риторического нарратива подтверждается как раз не простотой его сюжетной линии, а многоаспектностью связей и отсылок к фактической реальности адресата. Именно многоплановость знаковой реальности В. Руднев считает причиной того, что она «воспринимается ее средними носителями и пользователями как незнаковая» [6], самодовлеющая. Поэтому деонтика риторической реальности всегда сочетает различные планы сущего и должного. С одной стороны, риторическая деонтика специфична (допускает разногласия, использование стратегем и уловок, запрещает статичность и негибкость), с другой – апеллирует к общепринятым критериям разумности, истинности, моральности, очевидности и т.п. Например, человек располагает некой суммой информации о мире, которая дает ему основания полагать, что мир «действительно существует». Для него важно сознавать, что то, что он полагает действительным, таковым и является, а не нафантазировано, не смонтировано. Вместе с тем, транслируя эту истину

другим, наш носитель информации будет вынужден прибегнуть к риторическим средствам репрезентации, так как в его сообщениях сойдутся как минимум два плана реальности: а) мир, «преломленный» сквозь его собственные ментальные привычки, б) правила определенного дискурса, в рамках которого сообщение должно быть понято. В языке найдется место для обоих этих планов реальности. Более того, в нем уже заложены средства как для языкового насилия, риторического диктата, так и для бунта против него.

Итак, одним из наших *выводов* является утверждение о том, что риторическое конструирование реальности осуществляется при помощи особых приемов – *стратегем* – в рамках определенных деонтических контекстов с многоплановыми отсылками к реальности как «действительно существующему» и определенным образом истолкованному существу.

Осмысление той или иной проблемы – это, прежде всего, освоение «лексикона», в рамках которого проблема ставится. Следовательно, единственной реальностью, поддающейся истолкованию в качестве присутствия, есть язык. Слыша звуки речи, мы преобразуем их в слова, оцениваем при помощи лекал и схем, которые формирует язык через культуру и социум, а затем подбираем подходящий ответ. Стало быть, реальность являет себя через некие слова-стимулы. Такие слова-стимулы дают человеку право на получение удовольствия или страдания. Обработывая входную информацию на основе культурных кодов, индивидуальных предпочтений, несознаваемых импульсов, мы формируем способы выражения своего отношения к ситуации. Похвала или брань запускают в мозгу реакцию и переживаются соответственно как эйфория или соматическое страдание. Поэтому, исследуя принципы риторического взаимодействия, нельзя обойти стороной его деструктивные аспекты. Речь идет о феноменах, порожденных риторической ситуацией, но ведущих к ее разрушению, распаду связей или даже устранению участников. Пример этого – вербальная агрессия. Она часто носит характер групповой травли, поскольку аудитория риторического нарратива не всегда оппонирует «повествователю». Ю.В. Щербинина [7] описывает ряд приемов такой агрессии: *буллинг* (запугивание), *хейзинг* (злое подшучивание над новичком), *моббинг* (от англ. «толпа») – травля большой группой (бойкот, поднятие на смех). Эти приемы, хотя и формируются как вербальные инструменты подавления, в перспективе анти-риторичны. Они опираются не на убеждение, а на шантаж властью большинства над индивидом. При этом язык – только средство, а не пространство взаимодействия. Если к этим приемам добавить «навешивание ярлыков», то не только справиться, но и осмыслить опасность такого «риторического» оружия будет очень сложно. Интересно, что в параллельных языковых реальностях привычные слова-стимулы могут оказаться бесполезны, а накопление новых при «переключении» их носителя в «другой режим» становится делом долгим и болезненным. Поэтому символический капитал «эмигранта» в иную языковую реальность оказывается обнуленным. Конструировать языковое поле заново не всем под силу, отсюда такой накал борьбы «за язык», нередко пробуждающий риторику ненависти (*англ. hate speech*).

Риторическая машинерия порабощения зачастую имеет фатальные формы. Язык вражды избирает в качестве мишени национальные, гендерные или религиозные особенности и, захватывая пространство масс-медиа (т.е. приобретая неограниченную виртуальную аудиторию), порождает нелепейшие социальные

обобщения, необходимые для создания образа врага. Умело манипулируя «нагруженными терминами», риторический проponent добивается единодушия аудитории, а иногда – беспрекословного повиновения своей жертвы. Так, греческого философа Гегесия прозвали «увещающим умереть» за то, что под воздействием его речей многие слушатели кончали с собою. А в XX веке в секте «Небесные врата» тело человека дегуманизировалось, называясь «контейнером» и «оболочкой», а слова «покинуть планету» и «спасти собственную жизнь» означали самоубийство. Поэтому, когда лидер секты объявил, что пора «сбрасывать оболочки», адепты безропотно выпили яд. Конечно, манипуляция сознанием невозможна без *взаимодействия*. Жертвой риторического диктата можно стать лишь в том случае, если слушающий выступает как соавтор, соучастник конструирования реальности. Если же он усомнился в подлинности предлагаемой картины и защитил свою жизненную программу, он жертвой не становится.

Манипуляция – это соблазн новой реальностью. Оратор – конструктор, которого, в свою очередь, уже выписала/выпестовала реальность, которая пишет им самое же себя. А поскольку людям периодически требуется ротация ярлыков и бирок, возникает нужда в новых трибунах-глашатаях: умелая риторика эффективно создает напряжение эмоционально-информационного поля. Для создания возмущения в это поле через средства массовой информации «вбрасывается» какая-нибудь глобальная метафора: «свобода», «независимость», «языковой вопрос», запускающие механизм риторических нарративов. А когда информационное напряжение достигает нужного градуса, производится смена ярлыков. Такое воздействие риторики обеспечивает наикратчайший путь к манипулированию человеком и социумом через программирование ментальных и поведенческих стереотипов. Запрограммированные «зомби первого поколения» – первичные адресаты риторической провокации – не всегда пригодны для решения сложных задач. Однако напомним, что риторическая реальность как аутопоэтическая система способна самовоспроизводится в информационном пространстве, порождая все более совершенных «зомби», отдаленных от истоков «истории», во-первых, во времени, а во-вторых, виртуальностью аппарата медиа-производства.

Возможны ли варианты благоприятного риторического конструирования реальности, ведущие не к зомбификации и деградации, а к личностному совершенствованию? Несомненно. Но любовь и понимание не терпят формы лозунга. Поэтому риторика убеждения стремится к иным формам диалога и оставляет оппоненту пространство для выбора. И хотя, согласно М. Фуко, любая риторическая практика враждебна принципу «полной откровенности» (*парреси*) [8. С. 403], важно понимать, что тезис о возможности «абсолютной искренности» в условиях информационного общества – не более, чем риторический трюк.

Таким образом, внутри риторического нарратива присутствует коммуникативная асимметрия: смыслы, предпочтительные для оратора, репрезентируются им как элементы актуального порядка вещей. В то же время рецепция этих смыслов аудиторией является вынужденной тактической мерой: даже позиция неприятия требует оформления в рамках заданной темы, жанра, лексического и деонтического поля, сюжета и предыстории. Такая асимметрия, «распад говорения», по Г.-Г. Гадамеру, позволяет риторике выступать от лица

понимания, но само понимание устремляется к мнимому, отягощенное задачей вынудить Другого дать согласие через увещание (*ein Überreden*) [9].

Переход от риторики как способа репрезентации к риторике как манипулированию чаще всего прост и незаметен. Рубеж – человеческая свобода, и действовать в этом пространстве нужно ответственно. Без философско-этической базы риторика превращается в орудие деструкции и подавления. И если «философия – это опасно» [10. С. 65], то насколько опаснее могут быть риторические технологии, лишенные нравственного основания? Поэтому главной целью этой работы было вызвать интерес к сегодняшним риторическим проблемам, отыскать понятия, которые помогут охарактеризовать ситуацию, дадут шанс осмыслить ее.

Итак, всякая риторика асимметрична: масштаб средств может превосходить и затмевать цели, а оружие нападения – быть обращено против его создателя. С другой стороны, согласно Г.-Г. Гадамеру, «слова – это пароли», а значит, «проговаривая» себя для Другого, мы обретаем шанс найти, как мнимум, собеседника.

Подведем итоги. Разграничив риторику как способ репрезентации и как коммуникативную «технику», мы реализовали ряд задач. *Во-первых*, были описаны специфические черты риторического взаимодействия как нарративного феномена. *Во-вторых*, были проанализированы прагматические аспекты риторической реальности. Было установлено, что пространство риторического взаимодействия, знаковое по природе, воспринимается как объективная реальность, и поэтому его деонтика может парадоксальным образом сочетать ситуативные и общепринятые нормы. *В-третьих*, мы указали на адаптивный потенциал риторического конструирования. *В-четвертых*, одним из итогов нашей работы стала авторская типология риторических приемов (стратегем), дополняющая и уточняющая традиционные таксономические схемы. Были описаны также феномены «риторики бессовестности», применение которых ведет к деструкции риторического взаимодействия. И, наконец, *в-пятых*, были намечены перспективы дальнейшей разработки темы – выход к проблеме благоприятного риторического конструирования.

Литература

1. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3. С. 29–42.
2. Поварнин С. Спор: О теории и практике спора [Электронный ресурс]. – URL: khazar-zar.skeptik.net/books/povarnin.htm (дата обращения: 16.04.2014).
3. Артеменко А. П., Артеменко Я. И., Попова Н. В. Риторичні стратегії в дискурсі ідентичності // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія «Філософія. Філософські перипетії». Харків, 2011. № 984. С. 109–117.
4. Хазагеров Г. Г. Риторика тоталитаризма: становление, расцвет, коллапс (советский опыт). Ростов н/Д: Foundation, 2011. 278 с.
5. Эко У. Волк и ягненок. Риторика бессовестности: пер. с ит. Е. Костюкович // Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М.: Эксмо, 2007. С. 75–107.
6. Руднев В. Морфология реальности [Электронный ресурс]. – URL: http://lib.ru/culture/rudnew/morfologia.txt (дата обращения: 16.04.2014).
7. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. М.: Форум, 2012. 400 с.
8. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году: пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 667 с.

9. Гадамер Г.-Г. Дialeктическая этика Платона: феноменологическая интерпретация «Филеба»: пер. с нем. и предисл. О.А. Коваль. СПб.: С.-Петербургское философское о-во, 2000. 255 с.
10. *Какой модерн?* Философские рефлексии над ситуацией пост/недо/after-post/post-post... модернизма: Кол. монография, посвящ. 70-летию юбилею д. филос. н., проф. А.А. Мамалуй: в 2 т. / под. ред. Л.В. Стародубцевой. Т. 1. Х.: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2010. 374 с.

Popova Nataliia Valerievna V. N. Karazin Kharkov National University (Kharkov, Ukraine)

Artyomenko Yaroslava Igorevna National University of Pharmacy (Kharkov, Ukraine)

RHETORICAL STRATAGEMS AND REALITY DESIGNING

Key words: rhetorical stratagems, rhetorical diversions, reality designing

The researchers accept that the surge of interest to rhetoric is the characteristic feature of XXI century. That attention to the formation of speech skills is related with an acute change of communicating and language situation in society. It is very important for a modern human to give voice to his thoughts, to defend his position in the dispute, not to be baited and to know how to resist baits, to keep up the rules of speech. The result of underestimation of oratory is regular: the lack of speech culture can affect perniciously on the career and even on the whole life. This work is also important because in the modern society the combat for power, for money and for the souls is sharpened to the limit. Multiple swindlers are trying to manipulate us using the rhetorical diversions (it's enough to watch news on TV once to realize that). To resist this, to remain a wise, thinking person, it is necessary to comprehend the rules of the dispute, to exercise in this hard art and to explore multiple rhetorical stratagems. That's why the main issue in the article is the detection of main rules of rhetorical expression, philosophical and psychological basis of the speech influence in different situations. The languages gives us some freedom, but it turns back as a desire to make stronger that desire, that "logos", which probably does not even match the truth, but it is at the moment due to some reasons the most preferable for the speaker. The reality, which has been rhetorically changed once, can be transformed again and again, following us to the imaginary. And though the ideal reality is out of the question, it is worth to think about the opposition to the chaotic straying in the labyrinth of the incomprehension. The article is dedicated to the study of modern rhetoric. It allows not only to effect man by convincing him but also becomes to a method of forming and existence of identity as a complex of ideas, by means of which a subject certifies itself. The absence in native philosophy and rhetoric researches of adequate concept set have impelled author to develop and comprehend the new categories. They contain such categories as rhetorical stratagems, rhetorical diversion, rhetorical gambit. The introduction of these concepts into the scientific turn is a first try to attempt to make clear the mechanisms of constructing and transformation of reality by means of rhetoric.

References

1. *Brokmeyer J., Harre R.* Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoy al'ternativnoy paradigmy [Narrative and problems of one alternative paradigm]. *Voprosy filosofii*, 2000, no. 3, pp. 29-42.
2. *Povarnin S.* Spor: O teorii i praktike spora [Dispute: on theory and practice of dispute]. Available at: khazarzar.skeptik.net/books/povarnin.htm. (Accessed: 22nd June 2013).
3. *Artemenko A.P., Artemenko Y.I., Popova N.V.* Ritorichni strategemi v diskursi identichnosti [Rhetorical strategies in discourse of identity]. *Visnik Kharkivskogo natsionalnogo universitetu. Seriya "Filosofiya. Filosofski peripetiji"*, 2011, no. 984, pp. 109-117.
4. *Khazagerov G.G.* Ritorika totalitarizma: stanovlenie, rastsvet, kollaps (sovetskiy opyt) [Rhetoric of totalitarianism: formation, blossom, collapse]. Rostov-on-Don: Foundation Publ., 2011. 278 p.
5. *Eco U.* Polnyy nazad! "Goryachie voyny" i populizm v SMI [Full back! "Hot War" populism in the media]. Translated from Italian by E. Kostukovich. Moscow: Eksmo Publ., 2007, pp. 75-107.
6. *Rudnev V.* Morfologiya real'nosti [Morphology of reality]. Available at: <http://lib.ru/culture/rudnev/morfologia.txt>. (Accessed: 16th April 2014).
7. *Shcherbinina Yu.V.* Rechevaya agressiya. Territoriya vrazhdy [Verbal aggression. Territory of hostility]. Moscow: Forum Publ., 2012. 400 p.
8. *Foucault M.* Hermenevtika sub"ekta [The *Hermeneutics of the subject*]. Translated from French by A.G. Pogonyaylo. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. 667 p.
9. *Gadamer H.G.* Dialekticheskaya etika Platona: fenomenologicheskaya interpretatsiya "Fileba" [Plato's dialectical ethics: phenomenological interpretation of "Philebus"]. Translated from French by O.A. Koval'. St. Petersburg: St. Petersburg philosophical society Publ., 2000. 255 p.
10. *Starodubtseva L.V.* (ed.) *Filosofskie refleksii nad situatsiyey post/nedo/after-post/post-post... modernizma: v 2 t.* [Philosophical reflections on situation of post/under/after-post/post-post...modernism]. Kharkov: Kharkov National University Publ., 2010. V. 1, 374 p.